

ва и В.Я. Брюсова), в рассматриваемые годы секретарь «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова» и активный сотрудник «Голоса».

⁵ Возможно, здесь есть переключка с самим Брюсовым, который, как известно, тоже находил смысловые опоры в стихах Ф. Тютчева [22, с. 77; 14, с. 319, 323].

⁶ Исследователями творчества Брюсова отмечен интерес публики к его статьям: «их читали и ценили», они «имели немалый общественный резонанс» [22, с. 84; 1, с. 429].

⁷ Воевал не только П.П. Муратов, но и Н.М. Щекотов, московский искусствовед, также активный сотрудник «Софии».

«Inter arma silent musae»?

Дискуссии в периодической печати о назначении искусства в годы Первой мировой войны

Первая мировая война оказала влияние на все стороны жизни российского общества, в том числе и на культуру, подчинив ее своим законам, существенно изменив форму и содержание. В военное время традиционно ведутся споры о месте и назначении искусства, правомерности его развития, все чаще вспоминается латинский афоризм «Inter arma silent musae» («Когда пушки стреляют, музы молчат»). Эти проблемы поднимались и в годы Первой мировой войны. Сами представители художественной интеллигенции начали дискуссию в прессе об этической стороне продолжения своей профессиональной деятельности. Мнения по этому вопросу разделились.

Часть деятелей литературы и искусства посчитали неэтичным и неправомерным заниматься художественным творчеством в период тяжелых военных испытаний. В литературной среде наиболее резко это мнение выражала З.Н. Гиппиус. В августе 1914 г. она обратилась к братьям по перу: «Поэты, не пишите слишком рано, / Победа еще в руке Господней, / Сегодня еще дымятся раны, / Слова еще не нужны сегодня. / В часы неоправданного страданья / И нерешенной битвы, – / Нужно целомудрие молчанья, / И, может быть, тихие молитвы» [Гиппиус, 1991, с. 131–132]. В июне 1915 г. в сборнике «Год войны (художник – солдату)» она жестко изобразила братьев по перу: «Хотелось нам тогда, чтоб помолчали / Поэты о войне, / И пережить хоть первые печали, / Могли мы в тишине. / Куда тебе! Набросились зверями / Война! Войне! Войны! / И крик, и клич, и хлопанье дверями, / Не стало тишины...» [Гиппиус, 1991, с. 142]. В письме З.И. Гржебину от 17 июня 1915 г. на предложение сотрудничать с журналом «Век» она ответила резким отказом, мо-

тивируя его так: «Поэтом можешь ты не быть, но человеком (гражданином) быть обязан. Если и простой смертный обязан быть человеком, – опрометчиво не требовать этого от поэта. Кому больше дано, с того больше и требуется. Я осуждаю современных поэтов, когда они фальшиво воспевают то, чего никак не знают...» [Письмо З.Н. Гиппиус, Л. 1об.]. Схожую позицию занимал поэт Борис Евгеньев: «О, сколько строк кощунственно-холодных / И сколько слов, напрасных мертвых слов! / Бессильные в борениях бесплодных, / Неведом вам “живой язык богов”. / В великую годину не дождется / Поэта своего Родная мать, / Не найдены слова, а сердце бьется, / и тяжела безмолвия печать» [Вечер «Триремы», 1916, с. 5]. Е.Г. Лундберг, оценивая состояние современной литературы в 1914 г., отмечал, что некоторые поэты «сейчас безмолвствуют, ибо не решаются искать вдохновений там, на местах, а писать с чужих слов считают грехом. Воздержание такого рода есть верное свидетельство подлинности их дарований, силы ума и духа. Ибо воздержание было, есть и будет признаком силы, точно так же, как готовность истечь словами есть признак слабости» [Лундберг, с. 250]. М.П. Арцыбашев менее категорично решал эту дилемму: «Нельзя совершенно отрешиться от своих профессиональных обязанностей, но мы, писатели, если хотим что-нибудь сделать для войны, то все что угодно, только не писать о ней. Мы – “штатские”, не должны, не можем писать о войне беллетристику, это будет фикция, это будет самая бесчеловечная подделка, какую только может придумать скверная фантазия. И если трудно молчать, то нужно писать статьи, оздоравливающие организм страны, способствующие нашим успехам в смысле обеспечения всем необходимым» [Московская художественная жизнь // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 11 окт. № 15141].

Искусствовед Я.А. Тугенхольд считал, что «объективные условия военного дела изменились настолько, что война не может более служить источником художественного “упоения” и заставляет замолчать музу живописи... Эта война – “лабиринт” не может быть вмещена в эстетические рамки искусства» [Тугенхольд, 1916, с. 160]. Искусствовед барон Н.Н. Врангель высказывал близкую точку зрения: «Забвение или, вернее, временно забвение многого,

чем мы еще вчера жили, кажется мне не только нужным, но необходимым для обновления человечества. Это не значит, что нам надо отречься от своих богов, но это показывает, что надо осилить свое стремление к молитве, веруя в то, что соучастие в действительности – та же литургия Божеству... В настоящую минуту великая война, начавшаяся не по воле людей, а являющаяся решением мировых вопросов, требует иного врачевания и иной духовной пищи, чем та, которой питалось и жило еще вчерашнее поколение. Теперь – сегодня, и только сегодня – нужно иное, и, конечно, не воспоминаниями о прошлом суждено нести облегчение нынешнему страданию России» [Врангель, 2001, с. 63,64,65]. Н.Н. Врангель, таким образом, предлагал более мягкое решение, он не призывал совсем прекратить художественную жизнь на время войны, а настаивал на поисках новых художественных форм.

В среде театральной интеллигенции наиболее болезненным оставался вопрос о необходимости театра в военное время. Хотя и редко, но высказывалась идея о неправомочности театральных представлений в переживаемый момент. На страницах журнала «Рампа и жизнь» было опубликовано показательное письмо некоего г-на Шлиосберга, основной идеей которого было признание несовместимости политики и театра, и «раз жизнь всецело занялась политикой, то искусство не может существовать. Для того чтобы искусство жило, необходимо, чтобы в жизни народной была гармония, единство» [Письмо г-на Шлиосберга, 1914, с. 6].

Противоположную точку зрения, о необходимости продолжения художественной жизни, высказывало большинство представителей художественной интеллигенции. Лидером этой группы был Л.Н. Андреев, выступивший с программной статьей «Пусть не молчат поэты» (1915 г.), в которой он отмечал: «Тишина – вот мечта для нищих духом. Вот магия искусства: описание выстрела сорокадвухмиллиметровой пушки может быть слышнее, чем сам выстрел» [Андреев, 1915]. В связи с этим он призывал услышать войну. «Услышать войну – это значит переоценить всю свою жизнь, все ее радости, страдания и надежды; не только все прошлое поставить насмарку и вбить осиновый кол на могилу вчерашнего дня, но и нынешний день изменить до неузнаваемости...

Главное в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и на ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти и взволновать. Пусть больно, пусть даже противно, но зато полезно и даже необходимо» [Андреев, 1915]. А.И. Южин высказывал близкую точку зрения: «Трудно целиком отдаться художественному творчеству, трудно уйти всецело в мир переживаний, далеких от грядущей заботы. Но, насколько хватает человеческих сил, стараешься делать дело, которому отдана вся жизнь» [Интервью с А.И. Южиным // Голос Москвы. 1914. 18 дек. № 291]. А.Н. Чеботаревская считала: «Самый великий грех – это “молчалинство” и умывание рук в том великом деле народной обороны, ради которого льются ручьи крови и потоки слез» [Чеботаревская, 1915]. Е.А. Колтоновская указывала: «Сейчас не столько страшную, сколько святою представляется льющаяся теперь кровь, не только потому, что война идет за правое дело, за идеальные ценности, а и потому, что каждый из участников отдает себя ей сознательно и добровольно. Такая кровь обязывает всем сердцем участвовать в происходящем, быть вместе со всеми и не думать о “потом”. “Потом” может быть очень плохо и печально, но слишком ярко “теперь”. Инстинкт, толкающий их (писателей) в общую стихию, не обманывает. Только там они могут почерпнуть творческую силу. Уклониться от нее, значит отвернуться от самой жизни» [Колтоновская, 1914, с. 136–138].

В среде художников эта позиция нашла отражение в полемике, развернувшейся на страницах газеты «Речь». Поводом к дискуссии послужило сообщение о временном прекращении издания журнала «Старые годы». Свою точку зрения в статье «Искусство и война» высказал А.Н. Бенуа. Он исходил из многозначности понятия «искусство»: «...или искусство есть нечто великое и святое, полезное и необходимое, или это игра, которой забавляешься, пока все обстоит благополучно, и которая вдруг может потерять смысл, когда в жизнь вступают вопросы истинно серьезного смысла» [Бенуа, 1914, с. 59]. В первом значении, по мнению А.Н. Бенуа, саму войну нужно рассматривать, как нечто такое, что должно служить делу искусства, как часть всей духовной культуры. «Мы воюем для того, чтобы отстоять в полной неприкосновенности нашу русскую

душу, а следовательно, наше искусство. Если рассматривать искусство как игру, то от него вообще следует отказаться, так как интерес к нему естественно заглушен» [Бенуа, 1914, с. 59]. Искусствовед В. Дмитриев признавал, что «воплощения искусства не должны служить злобе дня, но самое биение художественной жизни должно быть той же меры и силы, как биение всей жизни страны...» [Дмитриев, 1914, с. 1]. Схожую мысль высказывал Н.Э. Радлов: «Бывают минуты, когда “день” становится “историческим днем” и пройти мимо его “злобы” – трусость. Мы привыкли видеть, как современные темы питают суррогат искусства, вся ценность которого в злободневности, и боимся запачкаться сближением с ним настоящего высокое художество... Великие события – испытания искусству. Великая современность требует художников, и не принявшие вызова сознаются в своей слабости... История проводит новую, резкую грань. Быть может, XX век начнется с 1915 г. Будущее искусство должно быть в состоянии отражать современную жизнь. И не только темп жизни. Мы говорим о современности как о теме, как о содержании искусства. Способность искусства отражать современность, сохраняя в то же время величие вечного искусства – показатель действительного его процветания» [Радлов, 1915, с. 15]. В.В. Маяковский более резко сформулировал эту идею: «Тот не художник, кто в блестящем яблоке, поставленном для натюрморта, не увидит повешенных в Калише. Можно не писать о войне, но надо писать войною» [Машков, 1988, с. 44]. То есть большинство художников сходились в том, что культурно-художественная работа не только не должна прекратиться, но она не должна умяляться. Итак, сторонники этой точки зрения призывали занять активную творческую позицию.

Пресса активно их поддерживала. Уже в августе 1914 г. в газете «Утро России» было опубликовано заявление, в котором говорилось: «Преступнее всего бездеятельность и выжидание чего-то. Те, кто говорят: “Мы не можем петь, когда льется братская кровь”, пусть идут на поле брани. Те, в ком нет силы добровольно взять оружие и тяжелый крест работников тыла, – пусть охраняют и творят духовные ценности. Середины нет. Ибо – в середине – дух праздности и уныния, тягчайшие грехи против личности и нации».

Для людей искусства виделся один путь – колоссального напряжения сил и энергии для дальнейшего накопления ценностей национальной культуры. Они должны направить свои силы и способности в упорном, неумолимом и повышенном труде для русской национальной культуры [Заявление, 1914].

Можно выделить и компромиссную позицию. Так, с критикой обеих крайних точек зрения выступил Д.В. Философов: «Да, крикуны не способствуют нашему общему делу, но не помогают и “молчальники”. Себе они помогли, оградили от трудной задачи сведения концов с концами, от соединения “программы” с самыми, что ни на есть программными событиями» [Философов, 1914, с. 1]. Он призывал писателей все же говорить, «пускай с умолчаниями, ибо тихий голос теперь нужнее, а главное слышнее крика».

Дискуссия об этической стороне продолжения творческой деятельности неизбежно ставила вопрос о задачах художественной культуры в условиях войны.

В связи со спецификой переживаемого момента на первый план была выдвинута психологическая задача. Главную роль в ее выполнении призваны были играть театр, музыка и кинематограф. Напряженная, исключительная атмосфера войны, военно-походный уклад жизни с его острой нервозностью, с вечной угрозой гибели и вообще особой интенсивностью душевного состояния, придавали специфически острый характер всем развлечениям. Это в полной мере понимали представители театральной интеллигенции, о чем свидетельствовали их многочисленные выступления в театральных журналах. Как писал корреспондент журнала «Театр и искусство»: «Театр нужен для того, чтобы подвинтить нервы, и для того, чтобы отпустить их, для того, чтобы в театральном пафосе войны укрепить думу о войне, и для того, чтобы хотя бы на время, на тот промежуток времени, который полагается для отдыха, не думать о войне» [Театр и искусство, 1914, с. 762]. В.И. Немирович-Данченко считал, что самый сильный враг России – не германец с его техникой, его военным искусством..., а малодушие, переходящее в растерянность, способное вызывать панику и колебать веру... Наше искусство не только может, но и должно вливать бодрость, увеличивать запас терпения, помогать залогам победы...

Театр должен бодрить в тылу. Он должен сделать максимум того, что может выделить из себя для снаряжения армии или вообще для войны, ее тыла» [Немирович – Данченко, 1979, с. 151]. В.В. Попов отмечал, что цель театра не учительская, а разумное развлечение. В.В. Стрельская считала, что задача театра – ободрить падающих духом. Е.Н. Рощина-Инсарова признавала необходимость существования театра в военное время, так как он должен поддерживать бодрость духа. Е.И. Тиме указывала, что театральные представления должны вызывать лучшие человеческие качества – воодушевление, преданность, любовь к ближнему и самоотверженность. Ф.И. Шаляпин отдавал театру право будить в людях героические чувства и призывал одолевать дух праздности и уныния. А.Н. Римский-Корсаков формулировал задачи искусства так: «В почти лихорадочной напряженности интереса к искусству можно было наблюдать болезненный пульс внимания, жадного до острых, дающих отдых и самозабвение впечатлений. Значение искусства, как чувственной ценности, сразу повысилось» [Римский-Корсаков, 1915, с. 5].

Психологическую задачу выполнял и кинематограф. Превратившись в популярнейший вид досуга и развлечения в годы Первой мировой войны, кино, как массовое зрелище, способствовало формированию массовой культуры и массового сознания русского общества, с одной стороны, а с другой – само являлось отражением специфики сознания общества военного времени. Драмы, трагедии стали в определенной степени отражением, подчас гипертрофированным, трагических событий. С другой стороны, они были источником разрядки для эмоциональной сферы человека. Под влиянием военных хроник, по крайней мере в первые годы войны, у общества формировалось чувство уверенности в победе российских войск.

Показателен факт признания за театром, музыкой и кинематографом психологической функции и со стороны общества. В письме к союзу «Артисты Москвы – русской армии» солдаты и офицеры 9 ингерманландского полка отмечали: «Вы делаете на пользу Родины великое государственное дело, поддерживаете дух и настроение страны в должном равновесии, развиваете чувства

патриотизма и героизма. Протягиваете руку помощи тем упавшим духом людям с изношенными нервами, которые своим нытьем мешают настоящим работникам делать работу по защите Родины. Ваш смех – это наркотик, дающий изношенному организму человека поддержку к жизни» [Письмо к союзу «Артисты Москвы – русской армии, Л. 1об.].

С психологической была тесно связана мобилизационная, или пропагандистская, задача. Литература и искусство рассматривались как действенное средство формирования общественного мнения, роста национального самосознания. Режиссер Московского драматического театра А.А. Санин писал: «Сейчас трудно работать. Мы не знаем, куда смотреть, чему верить. Но мы чувствуем, что нужно работать. Чем реальнее вырисовывается иноземная орда, тем пламеннее любовь к родине, к родному. Медному немецкому лбу мы хотим противопоставить тот огонь, который пылает в нас обожествление своего родного искусства. Мы должны произнести те заклинания, которые воскресят к современности все добрые силы нашей страны, зовущие мир к светлому и прекрасному» [Беседа, 1915]. Особая роль отводилась кинематографу, который должен был стать орудием агитации и пропаганды правильного курса.

Наконец, традиционная задача – осуществление творческого поиска, развитие художественной культуры – хотя и была отеснена на второй план, тем не менее сохранила свою значимость. Литература и искусство всегда играли и играют огромную роль как факторы культуры. Закрывание театров, прекращение изданий книг указывает на оскудение культуры. И если война неизбежно ведет к уменьшению культуры, то нужно препятствовать этому процессу. Если искусство, как таковое, не может давать непосредственных откликов на текущие громадные мировые события, то оно не может, с другой стороны, оставаться свободным от воздействия на него современной жизни. Помимо нравственной необходимости напрячь все художественные силы не только для сохранения культурных ценностей, им создаваемых, но и для их роста, литература и искусство обязаны стать еще строже по отношению к своим художественным задачам [Планы Художественного театра, 1914].

З.Г. Ашкинази считал, что роль искусства в настоящей войне – художественное восприятие. Оно дает возможность рассматривать события в широкой исторической перспективе, в то время как у обывателя психологические переживания заслоняют широкую перспективу. К.А. Коровин отмечал, что искусство как прославление жизни, всегда служит миру, высоким и добрым чувствам, радости сердца и души [Анкета «Война и творчество», 1916]. Ф.К. Сологуб полагал, что литература должна продолжать выполнять свою основную миссию – преобразовать мир и жизнь. «Тем более теперь, когда доблесть, смерть и слезы являются искупительными жертвами за период нашего омертвления и усыпления. Мир стремительно несется навстречу новым формам бытия, как же писателям и поэтам не воспеть это чудо преобразования и Воскресения» [О лекции Ф. Сологуба, 1915].

Таким образом, война скорректировала задачи литературы и искусства, оказала существенное влияние на тематику произведений и на репертуарную политику театра и кинематографа.

Литература

- Андреев Л.Н.* Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт. № 15155. Утр. вып.
- Анкета «Война и творчество» // Речь. 1916. 30 дек. № 359.
- Бенуа А.Н.* Искусство и война // Аполлон. 1914. № 8.
- Беседа с режиссерами Московского художественного театра // Утро России. 1915. 10 сент. № 248.
- Вечер «Триремы». Лазарет деятелей искусств. Пг.: Триремы, 1916.
- Война и театр // Утро России. 1915. 4 февр. № 35.
- Война и театр // Театр и искусство. 1914. № 38.
- Врангель Н.Н.* Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.
- Гиппиус З.Н.* Живые лица: Стихи, дневники. В 2-х тт. Тбилиси: Мера-ни, 1991. Т. 1.
- Дмитриев В.* По поводу выставок бывших и будущих // Аполлон. 1914. № 10.
- Заявление писателей и художников // Утро России. 1914. 12 авг. № 187.
- Интервью с А. Южиным // Голос Москвы. 1914. 18 дек. № 291.
- Колтоновская Е.А.* Война и писатели // Русская мысль. 1914. № 12.

- Лундберг Е.Г. Литературный дневник // Современник. 1914. № 12.
Московская художественная жизнь // Биржевые ведомости. 1915.
11 окт. № 15141. Утр. вып.
Немирович-Данченко В.И. Избранные письма. М., 1979.
О лекции Ф. Сологуба в Политехническом музее // Утро России. 1915.
8 нояб. № 307.
Письмо г-на Шлиосберга // Рампа и жизнь. 1914. № 34.
Письмо З.Н. Гиппиус к З.И. Гржебину // ОР РГБ. Ф. 154. Оп. 1. Ед.хр.
19. Л. 1об.
Письмо к союзу «Артисты Москвы – русской армии» // ГЦТМ РО.
Ф. 486. Оп. 1. Ед.хр. 1708. Л. 1 об.
Планы Художественного театра // Русские ведомости. 1914. 25 сент.
№ 215.
Радлов Н. Будущая школа живописи // Аполлон. 1915. № 1.
Римский-Корсаков А.Н. «Волею событий...» // Музыкальный современник. 1915. № 1.
Тугенхольд Я.А. Проблемы войны в мировом искусстве. М., 1916.
Философов Д. Война и литература // Голос жизни. 1914. 7 дек. № 10.
Чеботаревская А.Н. Две души // Биржевые ведомости. 1915. 4 дек.
№ 15249. Утр. вып.
Машков Илья. М.: Советский художник, 1988.

Сведения об авторах

Алпеев Олег Евгеньевич – научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва.

Белова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

Богданова Ольга Алимовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Богомолов Николай Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ.

Букалова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

Верташов Денис Владимирович – аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Грякалова Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Иванов Анатолий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.